

О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

Г. Ю. Богданович

В статье описывается полилингвокультурная ситуация как многомерный феномен с набором признаковых характеристик социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических свойств.

Ключевые слова: полилингвокультурология, полилингвокультурная ситуация, полилингвокультурный феномен, идентификация

У статті описано полілінгвокультурну ситуацію як багатовимірний феномен з набором ознакових характеристик соціолінгвістичних, психолінгвістичних, етнолінгвістичних властивостей.

Ключові слова: полілінгвокультурологія, полілінгвокультурна ситуація, полілінгвокультурний феномен, ідентифікація

The article describes polylingvocultural situation as a multiaspect phenomenon with a set of sign characteristic of sociolinguistic features

Key words: polylingvoculturology, polylingvocultural situation, polylingvocultural phenomenon, identification

На рубеже XX и XXI веков произошли существенные изменения в научной парадигме: утвердился новый ряд идей и подходов к исследованию языка, среди которых следует отметить *антропоцентризм*, предполагающий системное освоение языка, его единиц, текста, дискурса сквозь призму «человеческого фактора», рассмотрение пребывания человека в языке и языка в человеке; *когнитивизм* (язык – результат когнитивной деятельности, способ организации и хранения человеческого знания о мире, пространство мысли и духа); *лингвокультурологизм* (тесная связь языка и культуры народа, понимание развития языка как результата творческой деятельности человека).

Языковая личность, языковая способность, языковая компетенция, речевое поведение начинают оцениваться как понятия, лингвокультурологическое содержание которых формируется в синтезе данных этнопсихологии, социологии, истории и ряда других наук о человеке.

Лингвокультуролог встал перед необходимостью освоения сложного понятийного аппарата, применения новых методик анализа языкового материала, основанных на «расширенных» интерпретативных действиях, позволяющих соотнести язык, сознание, общество, личность и культуру.

Базовое для лингвокультурологии понятие культуры включает мировоззрение, нравственные нормы, лежащие в основе поведения человека, способы познания мира; произведения искусства; духовные и материальные ценности.

Лингвокультурологические исследования имеют давнюю традицию. Европейская лингвокультурологическая традиция связана с именами Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, Р. Барта, Т. ван Дейка. Заметный вклад в лингвистическую теорию культурно-ситуативных моделей внесли Л. Витгенштейн, Г. Гадамер, Г. Гийом, М. Хайдеггер, Н. Хомский, К. Ясперс.

У истоков определения мировоззрения народов через их языки стоял В. Гумбольдт. Его идеи получили своё продолжение в трудах А.А. Потебни, а также А. Мейе, Ж. Вандериеса, Э. Бенвениста. Сформировалось множество самостоятельных направлений, в каждом из которых складывалось своё понимание связей языка и культуры: антропологистика, этнолингвистика, социолингвистика, психолингвистика и т.п.

В современной русистике сложилось несколько направлений в изучении языка и культуры: этнолингвокультурология Н.И. Толстого, этнографические исследования А.К. Бабурина, Я.В. Чеснокова, П.М. Кожина, В.В. Воробьева; изучение языковой картины мира (работы Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванова, Е.А. Земской, В.Н. Телия, В.Н. Топорова, А.Д. Шмелева и др.). Активно занимаются исследованием лингвокультурной ситуации такие российские ученые, как Т.М. Дридзе, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.М. Шаклеин; В.А. Маслова (Беларусь).

Складывается ряд направлений в изучении взаимодействия языковых и культурных явлений: историческая лингвокультурология, историко-типологическая, сравнительная и нек.др. Сформировались и продолжают формироваться научные школы лингвокультурологии. В.А. Маслова [4] называет четыре школы: школа Ю.С. Степанова (описание констант культуры в диахроническом аспекте, с привлечением текстов, интерпретируемых с позиций наблюдателя, а не активного носителя языка); школа Н.Д. Арутюновой (исследование культурных концептов на материале текстов, представляющих разные культуры разных эпох); школа В.Н. Телия (лингвокультурный анализ фразеологизмов с позиций рефлексии носителя живого языка, с учетом речемыслительных ментальных состояний говорящего); школа В.М. Шаклеина, В.В. Воробьева и др. (сравнительная лингвокультурология, развивающая лингвострановедческую концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова).

Возьмем на себя смелость сказать о начальном этапе формирования нового направления лингвокультурологии – *полилингвокультурологии* в Таврическом национальном университете имени В.И. Вернадского силами лингвистов, литературоведов, психологов и социологов.

Культура как «совокупность специфических человеческих способов деятельности и ее результатов» [1, с.5] находится в многовекторной зависимости от языка, определяется им и влияет на него. В некоторых культурах создаются целостные лингвокультурные системы с инвариантным (сохраняемым традицией) центром и вариативной периферией (изменчивой во времени под влиянием прежде всего экстралингвистических причин).

Лингвокультурные системы формируют лингвокультурные ситуации, представляющие собой динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных сферах [6, с.19].

Если говорить о Крыме, то, скорее, придется свидетельствовать о полилингвокультурной, или о мультилингвокультурной ситуации. На территории Крыма проживает свыше 120 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. Самые большие национальные общины – русские, украинцы и крымские татары. Кроме указанных, на полуострове проживают азербайджанцы, армяне, болгары, греки, грузины, венгры, евреи, итальянцы, поляки и многие другие, среди которых есть и так называемые малые народы (например, караимы, крымчаки, численность которых определяется несколькими сотнями).

Крым, таким образом, представляет собой сложное культурно-языковое пространство, которое продуцирует двойную и тройную идентификацию, что ведет к образованию некой надэтнической общности.

Молодое поколение в значительно большей степени, чем среднее и старшее, владеет разными языками (украинским, русским, иностранным, своей этнической группы), и языковой фактор не является для него главным. Наибольшее значение в рамках этнической консолидации для молодежи имеет историческая родина (35,6%) и общность происхождения (34,5%).

Лингвокультурология и этнопсихоллингвистика – тесно связанные между собой науки. Каждая из них фокусирует те признаки культуры, которые наиболее очевидно связывают ее с языком.

Лингвокультуролог В.А. Маслова говорит о культуре как о своде «правил игры» коллективного существования, наборе способов социальной практики коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий» [4, с.17-18].

Этнопсихоллингвист В.В. Красных связывает культуру «с сознанием, со сложным комплексом небологических, социально транслируемых знаний и отношений, со стереотипами поведения, в том числе и речевого ... с системой знаков и значений, т.е. с языком» [3, с.19]. Язык обуславливает характер мышления, способ познания мира, влияет на сознание и поведение человека.

«Лингвокультурология, – по справедливому мнению В.А. Масловой, продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике» [4, с.8].

Отношение к языку как к феномену культуры, описание его с этих позиций требует внимания к признакам национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевой этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности носителя определенной культуры.

Лингвокультурология как научная и учебная дисциплина находится в стадии становления. Тем не менее, можно назвать ряд базовых положений, конституирующих эту область знания:

- Язык – ценнейший источник формирования и проявления ментальности народа, через его посредство культура сохраняется и передается другим поколениям.

- Будучи общественным достоянием, язык «присваивается» каждым представителем сообщества, дает возможность формировать себя, свое представление о мире. Языковая личность во всем многообразии социально-психологических ролей, стратегий и тактик общения стоит в центре внимания. Анализ языковой компетенции личности – существенный параметр описания культуры.

- Интерпретация языковых фактов с позиций ментальной лингвистики. Ценнейший культурологический источник являются собой фразеологизмы, метафоры, символы и под. как носители культурных представлений народа.

- Внимание к когнитивной семантике, к «культурным» смыслам языковых знаков, к формированию концептосферы культуры.

- Изучение дискурсов культуры, акцент на национально-культурной специфике языкового сознания, проявленного в коммуникации. Анализ моделей речевого поведения (стереотипов, этикетных формул и мн.др.) как «культуроносных» фактов.

Этот перечень также подтверждает, что наиболее тесные связи существуют между лингвокультурологией и этнопсихоллингвистикой. Размежеваться двум новым областям знания пока не удается: их объединяет прежде всего психоллингвистика, социоллингвистика и, соответственно, методы исследования, связанные с этими науками.

Объект исследования лингвокультурологии – действительность в совокупности процессов и явлений, взаимодействие языка как транслятора культурной информации и человека, который создает эту культуру,

пользуясь языком; предмет исследования – часть объекта в виде единиц языка, обобщающих результаты человеческого сознания, зафиксированных в мифах, легендах, фольклорных и религиозных дискурсах, художественных текстах, фразеологизмах, метафорах, символах, поговорках и т.д. [4, с.35-36].

Объект исследования в этнопсихолингвистике – совокупность речевых событий, речевых ситуаций, зафиксированных в национальном дискурсе; предмет исследования – сам национальный дискурс в совокупности своих проявлений и факторов [3, с.10].

И в той, и в другой науке особое внимание уделяется фразеологии, символам, речевым стереотипам. В обеих науках данные языка соотносятся с языковой личностью, с особенностями мышления и сознания.

«Набор» этнокультурно означенных языковых феноменов – открытая сфера для наук лингвокультурологического направления и во многом определяется вкусом и научным тезаурусом самого исследователя, его приверженностью к той или иной научной школе. Так, прецедентные феномены, обстоятельно описанные в курсе лекций по этнолингвистике В.В. Красных [3], вполне могли продолжить ряд лингвокультурологических фактов.

Обе науки широко используют метод ассоциативного эксперимента как способа исследования специфики языкового сознания и культуры, метод корреляционного и факторного анализа для описания когнитивного пространства единиц языка. Обоюдного внимания удостоились стереотипы речевого поведения, речевой этикет как социокультурно маркированные единицы определенной этнокультуры.

Вероятно, со временем – по мере накопления и обобщения опыта анализа языковых единиц, ментально-лингвальных комплексов – объект и предмет лингвокультурологии и этнопсихолингвистики смогут стать более дифференцированными, но «разойтись» эти науки не смогут никогда, так как они природно интегрированы вниманием к культуре, языку, обществу, человеку, проявленному в речевой деятельности.

Дискуссионным является вопрос о временном параметре наук, занимающихся языком и культурой. Если этнолингвистика, скорее, ретроспективна, то лингвокультурология связана как с историей народа и диахронией языка, так и с настоящим временем. Эта наука имеет большой потенциал для перспективных интерпретаций, для прогнозирования новых форм связи языка и культуры.

Лингвокультурологию и социолингвистику в ее современном состоянии, на наш взгляд, преждевременно считать «принципиально разными науками» [4, с.10]. То, что социолингвистика рассматривает «исключительно материал сегодняшнего дня» [4, с.10], не выводит ее за пределы культуры, в том числе и духовной ее части.

Без внимания к синхронным взаимодействиям языка и культуры, интереса к живым коммуникативным процессам лингвокультурология обойтись не может. Синхронно проявленный менталитет народа – результат диахронного пути. Наука не может описывать путь без результата. Кроме того, сама социолингвистика в условиях бурных и динамичных общественных процессов нашего времени диахронизируется и одно десятилетие оказывается членимым на этапы, каждый из которых может быть описан как особый дискурс со специфическими проявлениями языкового сознания, речемыслительной деятельности, с совокупностью текстов, характеризующихся разнообразным и изменчивым набором «культуроносных» признаков. Такого рода социолингвистическая диахрония не может не быть культурологически отмеченной.

Социолингвистические наблюдения за активными носителями языка проявляют языковую личность как носителя культурного кода. Антропоцентризм (интегрирующий парадигмальный признак современного гуманитарного знания) препятствует дистанцированию лингвокультурологии от социолингвистики.

Понятие «полилингвокультурный» в современных исследованиях по культурологии не интерпретируется. Но именно это понятие открывает возможности для описания и анализа культурно-языковой ситуации в Крыму.

Нами выделены два понятия, задающие программу формирования содержания полилингвокультурологии и перспективу развития этой области знания: *полилингвокультурный феномен* (ПЛКФ) и *полилингвокультурная ситуация* (ПЛКС).

ПЛКФ [Феномен в этом случае понимается как результат познания объективного мира, реального положения дел, определяющих специфику человеческого существования; проявление общих закономерностей существования сообщества и обусловленного этими закономерностями поведения человека] – совокупность признаков лингвокультурологического характера, сформировавшихся (и формирующихся) в общем пространственном размещении культур. Сохраняя этническое самосознание, сообщество, живущее в таких условиях, имеет выраженную региональную идентификацию, а также коллективную когнитивную пресуппозицию, что объясняет повышенную степень «сцепления» культур, их взаимовлияния и взаимопроникновения, формирование общего сегмента концептосферы и стереотипов речевого поведения. Языковая личность при этом приобретает адаптивную психологическую установку («приспосабливаясь, изменяюсь»). ПЛКФ конституируется языком, долгое время выполняющим объединительную функцию и знакомым всему сообществу.

Содержание понятия «полилингвокультурный» может быть определено с учетом данных многих наук, и прежде всего лингвокультурологии, этнопсихологии, социолингвистики, которые, в свою очередь, опираются на достижения современного языкознания в области семантики, когнитивной лингвистики, прагматики.

Полилингвокультурный феномен (ПЛКФ. – Г.Б.) – особая целостность, природа которой неизмеримо сложнее монокультурного, понимаемого как *национально-лингво-культурное сообщество* (В.В.Красных), подавляющее большинство которого говорит на одном языке, и бикультурного, языковое пространство которого организуется двумя близкородственными языками.

ПЛКФ представляет разнообразие проявлений культуры и, значит, особое (толерантное, конфликтное и т.д.) к ним отношение. В сложных условиях взаимодействия формируется особый конструкт общности – прежде всего через ценностное отношение к универсальным (общечеловеческим) концептам.

Полилингвокультурный феномен формируется не путем «сложения» этносов, социальных групп, а в результате выявления признаков полилингвокультурной ситуации, возникшей в многоэтном пространстве, имеющем свой культурный фон, культурно-историческое наследие, традиции, культурные концепты и характеризующемся специфическими культурными процессами (взаимодействие культур, интеграция социально-культурных проявлений разных культур).

ПЛКФ соотносен с синхронической лингвокультурологией, так как фиксирует взаимосвязь этносов в конкретный исторический период, что не исключает привлечения данных диахронической лингвокультурологии.

Полилингвокультурный феномен не столько результат сравнительной лингвокультурологии, сколько объединение, взаимоналожение и взаимовлияние лингвоментальных признаков, сформировавшихся в пространстве разных, но тесно контактирующих этносов.

ПЛКФ проявляется в особенностях концептосферы, в дискурсивной практике носителей нескольких культур, в стереотипах речевого поведения (при наличии общего стереотипизированного опыта).

В условиях полилингвокультурной ситуации (ПЛКС) образуется некое *коллективное когнитивное пространство*, являющееся шире национальной когнитивной базы (коллективное когнитивное пространство, национальная когнитивная база – понятия этнопсихолингвистики [3], в которой они относятся к одному национально-культурному сообществу, объединенному одним языком, не включенному в социально-культурное взаимодействие с другой культурой и языком).

ПЛКС по-особому диалогична. Диалог внутри одной национальной культуры проявляет себя в наличии субкультур – это в синхроническом плане. В диахроническом – диалог выявляется во взаимодействии прошлого с настоящим, в мере и способах вхождения картины мира прошлых поколений в жизнь нынешнего, в структурно-функциональных преобразованиях лингвоментальных моделей, в накоплении новых семантических и концептуальных признаков языковых единиц.

В полилингвокультурной ситуации этносы «обречены» на диалог, в результате которого вырабатываются *лингвокультурогемы* (термин В.В.Воробьева), культурный смысл которых имеет сверхнациональный характер и общее пространство функционирования.

Рассмотрение культуры через диалог культур – общеметодологический научный принцип. Выраженная диалогичность культур в ПЛКС позволяет говорить о специфике идентификации и идентичности языковой личности.

Идентичность – «это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношения личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [7, с.11].

Идентичность социально детерминирована и процессуальна. Идентификация жителя Крыма связана как с историей его народа, так и с историей полуострова. Личность в полилингвокультурной ситуации включается в общее поле культуры, сформировавшееся именно в Крыму.

Социальная категоризация и межэтническое сравнение происходит в среде людей, имеющих общий социальный опыт и так или иначе проявленное чувство связности («эффект гомогенности»). В какой-то мере особенности полилингвокультурной ситуации в Крыму подтверждают мысль о том, что «глобализация ведет к кризису идентичности» [2, с.39].

Сильнодействующим межкультурным фактором являются средства массовой информации, расширяющие круг прецедентных феноменов через рекламу, эстрадные песни, анекдоты и многие другие актуальные в познавательном и оценочном плане прецедентные ситуации и имена. Все это формирует общее когнитивное пространство, хранится в виде инвариантов восприятия, как правило, имеет общий, хотя бы минимальный, вербальный план. Национальные прецедентные феномены известны в меньшей степени.

Экстраполируя идею значимости прецедентности в этнопсихолингвистике на полилингвокультурную ситуацию с коррекцией специфики последней, можно согласиться с инициатором этой идеи В.В. Красных в том, что «вхождение прецедентного феномена в центр когнитивной базы предопределяется высокой

степенью самого феномена (в случае с вербальными феноменами – прецедентным именем и прецедентным высказыванием) и единичным инвариантом его восприятия» [3, с.119].

Если в монолингвокультурной ситуации стереотипы всегда национальны, то в ПЛКС на основе знаний общего характера формируются и общие стереотипы.

Специфика языковой личности, формирующейся в условиях полилингвокультурной ситуации, связана с ее естественным и динамичным взаимодействием с несколькими культурами и константами, с другими языками.

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов.

Идентификация и самоидентификация формируются на основе языка. В ПЛКС Крыма большая объединительная роль принадлежит русскому языку. Универсальные коммуникативные модели строятся на основе русского языка.

Взаимодействие языковых личностей, обмен информацией, выбор способа воздействия на собеседника для осуществления совместной деятельности требуют адекватного понимания, которое может быть обеспечено в условиях общей социумной пресуппозиции (пресуппозиция здесь понимается, вслед за В.В. Красных, «как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов» [3, с.24]).

На основе русского языка строится региональная идентичность не только живущих в Крыму русских, но и представителей других национальностей. Даже те из них, которые имеют ярко выраженную этническую идентичность, по свидетельству социологов, используют русский язык для повседневного общения, коммуникации в общественных местах и с коллегами [2, с.98].

Идентификация и социологизация личности в Крыму происходит в ПЛКС, которая определяет функционально-коммуникативное предназначение русского языка, диапазон вариативности языковых средств.

Являясь фактором региональной идентичности, русский язык снимает напряженность межличностных отношений, служит средством общения с представителями других культур, выполняет общественно значимую роль транслятора сведений о культуре совместно проживающих народов.

С помощью русского языка, выступающего в адаптационной роли, приобретает межкультурная компетентность, формируется мультикультурный человек, который «обладает гибкостью, позволяющей приспособиться к любой ситуации и креативно управлять любым межкультурным напряжением и возможным конфликтом. На этой стадии личность достигает максимальной способности общаться с индивидами из различных культур и принимать решения независимо от нормативных действий и ценностей данной культуры» [2, с.39].

Литература:

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 253 с.
2. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. – Симферополь: Доля, 2002. – 255 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
6. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.
7. Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 287 с.

Поступила 03.03.2004 г.